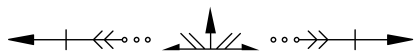
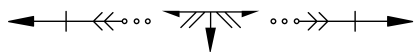

КОЛДОВСКИЕ МИРЫ

ЛАНА
ЕЖОВА

ГЕРОЙ МОИХ ГРЕЗ
И КОШМАРОВ

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е41

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Ежова, Лана.

Е41 Герой моих грез и кошмаров / Лана Ежова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-179022-6

Целительница без диплома, я ожидала неприятностей с первых дней своей авантюры, но совсем не такого разоблачения! Привычной жизни пришел конец с приездом въедливого инспектора по делам чародеев. Обвинения, покушения, похищения — все это связано с появлением прославленного (и очень циничного!) героя последней войны с демонами.

Мне есть что терять, ему — нет. И я готова пойти на все, лишь бы сберечь свои тайны и главную ценность в жизни. Вот только поможет ли холодный расчет там, где зарождаются нежные чувства?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ежова Л., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-179022-6

ЧАСТЬ 1

Глава первая,

*в которой дамы летают,
а господа непристойны*

— **Л**орд Аламейский... ваше чародейство, я прошу о снисхождении, — смиренно проговорила я, опуская голову и делая шаг вперед.

Острый носок туфельки зацепился за край ковра — я споткнулась и, полетев с высоты каблуков, рухнула на колени.

Рухнула прямо между разведенных ног сидящего в мягком кресле лорда инспектора.

Боль стерло потрясение, что я упала. Все еще не веря, что это произошло, невольно отметила крепость мужских бедер, обтянутых черными замшевыми штанами, качество кожаных сапог. Ощутила жар чужого тела и терпкий запах парфюма. И лишь потом осознала, как близко — как неприлично близко — нахожусь!..

— Госпожа Рутшер, это уже чересчур, — ядовитым тоном произнес чародей. — Поднимитесь.

Я торопливо встала, приводя в порядок платье. Кажется, падая, порвала его сзади, если треск мне не послышался.

Мои щеки горели от стыда и унижения, хотелось бежать прочь, но я сдержала порыв. Есть нечто гораздо важнее, чем гордость.

— Чересчур — это значит, вы дадите мне шанс, ваше чародейство?

— Это значит, госпожа целительница без диплома, что ваша вина настолько велика, что смотреть сквозь пальцы я не могу. Указ короля справедлив и вышел не без оснований.

Пол зашатался под ногами, скромная обстановка кабинета поплыла перед глазами.

— Никак? Совсем-совсем?..

Обходительный чародей поддержал под локоть и сопроводил к дивану, накрытому пледом, который сплела молодая жена директора.

— Отчего же совсем никак? — вкрадчиво произнес инспектор.

Оставшись рядом, он навис надо мной темной громадой. Если вчера, при первой встрече, он казался мне болезненно худощавым, теперь я видела, что ошибалась. Жилистый, сильный, опасный.

— Предлагайте плату за молчание, госпожа Рутшер, торгуйтесь.

Я не поняла намек и нахмурилась.

— Что, не собираетесь предлагать мне взятку?

— А вы возьмете? — Удивившись неожиданному вопросу, я не удержалась от шпильки: — Даже и не представляю, сколько предложить потомственному аристократу, герою войны, которому король щедро пожаловал титул герцога и земли с рудниками церигия.

— Однако... впервые мне не предлагают деньги. Тогда, быть может, древний родовой артефакт, которому нет цены, и инструкции, как им пользоваться, тоже нет?

Въедливый чародей явно кого-то цитировал. Неужели его пытались подкупить так неуклюже?

Вздохнув, я честно призналась:

— Я могу лишь просить, уповая на ваше милосердие. Предлагать взятку тому, у которого все есть, невообразимая глупость.

Инспектор криво ухмыльнулся, и один из его шрамов искажился еще сильнее.

— Допустим, к своей любовнице я был бы снисходительнее.

— К любовнице?..

— Временной, — милостиво уточнил мужчина. — Всего одна ночь — и на ваши маленькие игры с законом я закрою глаза.

Меня бросило в жар, затем в холод, когда я зацепилась взглядом за белый шрам на загорелом лице высокопоставленного мерзавца — от правого виска и до волевого подбородка. Шрам от когтя демона, его сложно свести. Но отталкивал меня не он.

Слухи о лорде Аламейском, королевском инспекторе, страшные: утверждают, что он жесток и беспринципен и может легко нарушить слово.

— Итак, госпожа Рутшер, ваше решение, — поторопил он с ответом.

Волной накатили воспоминания.

Холодные руки на моих плечах, оскорбления, жалящие поцелуи... Вырваться, сбежать любой ценой!

Тяжело дыша, я вернулась к реальности и помотала головой. Нет, один раз судьба меня пощадила, повторений я не хочу!

Мужчина отодвинулся, повернулся спиной и презрительно бросил:

— Я так и думал. У таких, как вы, жертвенность только на словах.

Как пьяная, пошатываясь, я вышла из кабинета. Нет, не смогу... Должен быть иной выход.

— Джемма, что с вами?

Я резко обернулась. Только лорда Грэхема и не хватало!

— Вы были в кабинете директора? Что вы там забыли? — спросил ненавистный мужчина и тотчас всполошился: — Джемма, что это?..

Голубоглазый блондин бесцеремонно схватил меня за плечо, притягивая ближе.

Отведя резко руку назад, я вырвалась из захвата и устремилась прочь по коридору.

— Кажется, я понял, Джемма, — едко произнес лорд Грэхем. — У вас юбка порвана. Не выдержала страсти проверяющего?

Я проигнорировала скабресный выпад, который в этот раз был недалек от цели.

Грэхем, неудовлетворенный моим молчанием, догнал в три шага и толкнул в пустой класс артефакторики. Захлопнув дверь, прислонился к ней спиной. Нехорошая улыбочка скользнула по бледным губам.

— Что, бегала жаловаться на меня к лорду инспектору? А с тебя потребовали плату?

Я молчала. Оправдываться перед этим слизняком? Еще чего не хватало!

— Ты видела его лицо? А тело, ходят слухи, еще хуже. Джемма, моя сладкая Джемма, уж лучше я, чем он!

И предсказуемо лорд Грэхем протянул ко мне свои бесцеремонные руки. Я ждала этого. И на поползновения ответила ударом. Кровь брызнула на светло-серый форменный сюртук.

— Мой нос! — гундосо взвыл лорд.

Одной рукой зажимая пострадавший орган, второй он взмахнул, призывая стихию воды.

На его голубую сферу я ответить не успела. Дверь открылась, ударяя лорда по спине.

— Что здесь происходит?

Королевский инспектор был серьезен, хмур и, как мне на миг показалось, даже готов спеленать Грэхема подчиняющим заклинанием.

— Ничего, — торопливо ответил Грэхем. — Я разбил нос, а целительница Рутшер меня лечила.

— Это так? — строго поинтересовался инспектор.

Я кивнула. Сдавать Грэхема не в моих интересах: он племянник градоначальника, а в этом городе мне еще жить. Да и не накажут его за приставание, зато моя персона окажется в центре скандала и то, что я скрываю несколько лет, может сломать жизнь не только мне.

— И в благодарность за лечение вы решили приложить госпожу Рутшер «водяной»? — чуть расслабившись, съязвил лорд Аламейский.

— Грэхем целился в паука, который меня напугал, — соврала я, выгораживая негодяя.

— Выходит, мне привиделось, что к вам приставали, госпожа Рутшер?

Я вскинула глаза на инспектора. Тон такой, как будто он искренне возмущен возможным, словно сам не предлагал несколько минут назад непристойности.

— Ваше чародейство, у меня нет претензий к лорду Грэхему, — ответила осторожно, опасаясь проверки на ложь.

— Я не пристаю к коллегам! — возмущенно заявил блондин. — У меня безупречная репутация, спросите у директора.

Чародей вскинул изломанную шрамом бровь.

— Спросить у мертвеца сложно, если вы не некромант.

Рой мыслей пронесся в голове, из них две самые важные: инспектор нашел в работе нашей школы нечто, за что директору полагается смертная казнь?

Даже если так, зачем называть мертвецом еще не осужденного человека?

Грэхем оказался быстрее на расспросы.

— Простите, вы о чем сейчас, лорд Аламейский? Нашему директору не нужен некромант!

— Ошибаетесь. — Инспектор махнул рукой, указывая направо.

Мы с Грэхемом дружно повернулись.

Как я раньше не заметила? Из-под стола с элементарными заготовками для артефактов торчала нога в знакомом темно-коричневом ботинке. Не прилично старом и поношенном.

— Директор Вандур... — прошептал Грэхем, который тоже узнал обувь начальника.

Еще секунда ступора — и я вспомнила, кто тут целитель.

— Пропустите!

Я бросилась к человеку, нуждающемуся в помощи.

— Он мертв, — донеслось в спину невозмутимое.

Как определил? Он же не целитель. Хотелось фыркнуть возмущенно, но приличные дамы так не поступают.

Создав парящий в воздухе «огонек», я опустилась на колени и забралась под стол. Мертвенно-белая кожа, ледяная ладонь... Инспектор прав: директор Вандур мертв. Давно мертв. И все же заклинание диагностики, чтобы убедиться, необходимо.

Еще не успела получить результат, как ощутила отталкивающий запах крови. Да здесь же все провоняло ею! Как не поняла сразу? Обоняние отказало под напором не по-мужски сладковатых духов Грэхема?..

Под затылком директора — лужица крови. Ему разбили голову?.. Или сам упал?

У окна темнел развод на дощатом полу — след, затертый, но недостаточно. Труп перетащили отсюда под стол?

Судя по количеству крови, вытекшей на пол, после удара директор долго был жив. Приди в кабинет кто-то раньше, его можно было бы спасти.

От предположения стало дурно.

— Господину Вандуру уже не помочь, зато сейчас вы помогаете убийце, — сообщил инспектор.

— Что? — От неожиданности дернувшись, я стукнулась о столешницу. Тотчас преграда исчезла, на пол посыпались заготовки артефактов.

— Вылезайте, нет нужды лечить труп.

Чародей приподнял стол одной рукой. Огромный, массивный стол из дуба...

Я подчинилась приказу.

— Больше никаких чар без моего разрешения, — жестко велел лорд Аламейский.

Заклинания могут исказить картину, запутать следы — инспектор прав, мое вмешательство возле трупа неправомерно.

— Лорд Аламейский, что нам делать? — оживленно спросил Грэхем. — Вызвать стражников?

Инспектор, не оценив инициативу, сухо ответил:

— Ничего, оставайтесь на своих местах.

— Вы подозреваете нас? — оскорбился Грэхем.

— Для учителя истории вы достаточно сообразительны, — усмехнулся инспектор.

Грэхем проглотил оскорбление — то ли все еще в шоке, то ли побоялся связываться с чародеем из столицы.

— На время расследования всему персоналу школы запрещено ее покидать. Свободны.

— Но у меня семейный ужин с дядей, он градоначальник Подгорска, — с намеком произнес Грэхем.

хем. От его ядовито-сладкой ухмылки могли завянуть цветы на подоконниках.

— Градоначальник поймет и простит, — отрезал инспектор и повторил: — Свободны!

Грэхем первым вылетел из кабинета.

— Госпожа Рутшер, это еще не конец. Не думайте, что за убийством я забуду о вашем преступлении.

Даже и не надеялась.

Уходя, обернулась и увидела, как пришлый чародей раскручивает сияющую алым «Сеть ловца» — теперь в кабинет не войти без его разрешения. Боится, что убийца вернется и подчистит следы? Или же перестраховывается от всяких-разных целительниц, которые эти следы неплохо «затаптывают» своими заклинаниями?

Ладно, переживать не стану. Я выполняла свой долг, не подозревая, что могу помешать следствию. Да и мелочи это, если вспомнить о других проблемах.

Я шла по пустым коридорам школы, гадая, как долго она просуществует без директора Вандура. Юным магам и учителям не повезло учиться и работать в забытом богами и королем месте, да еще во времена, когда монарх прижимист до анекдотической скупости.

Чтобы школа держалась на плаву, директор Вандур сэкономил на всем: начиная от учебных пособий и мебели и заканчивая отоплением и зарплатами преподавателей. Стоя на вытертом, старом ковре в кабинете директора, сложно просить о премиях и надбавках, но я пыталась, ведь думала не только о себе. И Вандур обычно шел навстречу, понимая, как тяжело мне в последние два года... Святой человек. Как же мы теперь будем без него?

Ох, не о том я думаю. Важнее другие вопросы. Почему его убили? Кто убийца? Как долго я продер-

жусь в школе на должности целительницы, не имея диплома? И самое главное: как быть с тем, что инспектор знает о нарушении пятого параграфа королевского указа о чародеях? Что будет дальше? Что?..

Я обычный человек, и личное меня волновало сильнее, нежели смерть старого начальника.

Покинув практически пустую на время каникул школу, я быстро пошла, почти побежала в сторону липовой аллеи, в конце которой краснели черепичные крыши преподавательских домов. Интуиция подсказывала, что Айоне Вандур о смерти супруга лучше узнать от меня, нежели от черствого инспектора.

Среди коттеджей, похожих друг на друга, как яйца одной курицы, директорский выделялся ухоженным садом, в котором растения буйно цвели с ранней весны и до поздней осени, плавно сменяя друг друга.

Сильный маг земли Айона Вандур отлично справлялась со школьной теплицей, парком и домашними насаждениями. Хрупкая молодая женщина все успевала, вызывая у кого-то зависть, у кого-то — уважение.

Решительно постучав в покрытую потрескавшимся лаком черную дверь, я выждала некоторое время, затем принялась заглядывать в окна.

Сейчас каникулы, Айона не на занятиях, и время готовить обед — она должна быть дома. В город выйти не могла — обычно ее сопровождал рачительный супруг, который помогал сэкономить и удержаться от соблазна купить «ненужное».

Обойдя здание, я попыталась войти через черный ход. Закрыто, и запасного ключа под цветочным горшком почему-то нет. Вандур считал, что воровать у него нечего, и особо не заботился о безопасности жилья.

Пытаясь заглянуть в щелку между шторами, я встала на перевернутую деревянную кадку. Увы, и в спальне Айоны нет — я увидела край несмятой постели. Да и не услышала бы она мои крики. О Всевидящий, неужели и она мертва?..

— Спешите предупредить убийцу?

Покачнувшись от неожиданности, я потеряла равновесие и полетела с кадки.

Прямо в мужские руки.

— Хватит падать к моим ногам, я уже понял, что вы сражены наповал.

Снова я ощущала чужое прикосновение. Чужое дыхание шевелило волосы на макушке. Чувствовала спиной чужое тепло.

В этот раз паника не накатила, и я спокойно парировала:

— Вы ведь специально подкрались. Значит, любите, когда женщины у ваших ног?

Поддерживающие меня руки напряглись. Не понравилось?

И я не устояла перед соблазном, ввернула еще одну шпильку:

— И что на подобное увлечение говорит леди Аламейская, ваша супруга?

Чародей, выпустив меня из своих объятий, поставил на землю.

— Я не женат, — сухо ответил. — А вы, оказывается, еще та оса, умеете жалить. Не боитесь, что прихлопнут?

Угрозы в тоне я не почувствовала, лишь усталость. А еще... смирение?

Я взглянула на мужчину пристально, без предубеждения, оставив на миг мысль, что он планирует сломать мне жизнь своим разоблачением.

Аристократ, богач, сильный чародей, друг короля и просто герой. И в то же время человек с исполосованным шрамами лицом, которое можно исцелить лишь с помощью древних артефактов. Может, это его и огорчает? Да нет, сомнительно. Ведь белые отметки не мешали разглядеть красивого брюнета с чернильно-синими глазами, хищным носом, волевым подбородком и тонкими упрямыми губами. Солнце выглянуло из-за туч, и в волосах чародея заиграла рыжинка. Необычный оттенок черного... красиво.

— Простите мою дерзость, я несу глупости всякий раз, когда пугаюсь.

Вопреки ожиданию, что сейчас услышу о моем постоянном состоянии хронического страха, чародей промолчал, и я решила заполнить паузу вопросами.

— Что вы подразумевали, говоря, что я спешу предупредить убийцу? Неужели считаете, что господин Вандура убила жена?

— Статистика неумолима: искать злодея нужно в ближайшем окружении жертвы. Вероятность, что Айона Вандур убила своего мужа, очень высока.

Я возмутилась:

— Вы не видели Айону! С ее хрупким телосложением сложно ударить высокого мужчину сзади по голове.

— Я и хочу исправить это упущение, то есть познакомиться с госпожой Вандур, — охотно согласился инспектор. — Но ее нет дома, что наталкивает на определенные мысли.

— Может, куда-то ушла? К соседям?

— Гуляет, когда супруг не дает о себе знать со вчерашнего дня?

Логично. Директора убили вечером или ночью, а уже время обеда. Айона должна была забить тревогу!

— Ох, вы правы! А может, ее тоже... того?

Дыхание перехватило, я не смогла закончить вопрос.

— Все может быть. Поэтому я взламываю дверь.

И мужчина показал, что его слова не расходятся с делом.

Заклинание тлена прицельно брошено на дверь возле ручки. Пятно пепла расширилось за секунды, затем осыпалось. Со звоном на ступени крыльца упала задвижка.

Толкнув дверь, инспектор вошел в дом.

— Госпожа Рутшер, ждите меня здесь. Возможно, госпоже Вандур понадобится помощь.

Выждав несколько секунд, я нарушила приказ. Я целительница и должна спешить на помощь тем, кто пострадал, кому сейчас больно.

Короткий темный коридор, и я у приоткрытой двери спальни.

Войдя, не совладала с эмоциями:

— Вот это погром!.. Их все-таки ограбили?!

— И выгребли дамский гардероб, оставив серебряную статуэтку богини Гармонии? — насмешливо заметил инспектор. — Вы почему меня не дождались? Здесь могла быть засада!

Я проигнорировала упрек, осматривая спальню, в которой царил хаос.

В самом деле, дорогая вещь, которую преподаватели подарили Вандуру на прошлый День зимнего солнцестояния, красовалась на комод. Как и два раритетных тома «Основ чароведения» под редакцией Иго Супрониса. Грабитель мог не знать о ценности книг, но серебряная статуэтка должна была его заинтересовать.

— Здесь ужасный беспорядок. Собирались в спешке? — рассуждала я вслух. — Хм, действительно, взяли только вещи Айоны.

— Четко двадцать пять! — насмешливо восхитился чародей. — Выдам вам медальку за сообразительность.

«Четко двадцать пять»? Возглас, означающий высший балл в одной из карточных игр и ее окончание.

Меня осенило:

— Ага, вы не женаты, потому что картежник?

— Странный вывод.

— Если чародей к тридцати годам не женат, значит, у него есть какие-то пороки, — выдала я народную мудрость и прикусила язык.

Несмотря на хорошее здоровье и долгую молодость, считалось, что детей заводить чародеям лучше до тридцати пяти, позднее рождались со слабым даром, а то и вовсе «пустые». Подобное наблюдение — печальная закономерность для обладателей особо сильного дара.

— А если я не хочу детей? Зачем мне жениться? — глухо поинтересовался лорд Аламейский.

— Внуков точно хочет ваша мать, она должна вам плешь проесть, но навязать невесту...

Я споткнулась на последнем слове, с ужасом допустив возможность, что она не может по причине своей смерти.

— Простите, это верх бестактности.

— К этому легко привыкнуть, — отстраненно произнес инспектор и поднял нечто блестящее с пола. — Как любопытно...

Я даже шею вытянула, стремясь понять, что его так заинтересовало.

Обернувшись и увидев моей маневр, он хмыкнул и раскрыл ладонь. Блеснуло серебро, окантовавшее черный камень.

Я стиснула губы, сдерживая возглас изумления.

— Какая занятная вещица, не правда ли? — тихо произнес инспектор. — Серебряная запонка с ониксом. Клеймо столичного ювелирного дома. И коллекция, если не путаю, прошлой зимы.

Ого, знает ювелирный дом и даже какая коллекция! А ведь одетый строго мужчина не очень-то похож на франта.

Мелькнуло желание озвучить наблюдение, но потрясение все еще владело моими мыслями. Как же они могли?.. Я видела их переглядывания и не сомневалась, что он пойдет на скандал, если Айона решится. Но не верила, что ей хватит смелости. И уж тем более не предполагала, что они поступят настолько жестоко! Вандур при всех своих недостатках хороший человек и нужен школе. Был нужен... Подозреваю, теперь ее закроют — больше некому отстаивать школу в столице, когда поднимут вопрос о недостаточном финансировании.

— И чья же это запонка, госпожа Рутшер? — вкрадчиво поинтересовался чародей.

Я пожала плечами.

— Директора Вандура. Чья же еще?

Инспектор поднял с кресла мятый сюртук коричневатого-зеленого цвета.

— Костюмы, которые были модными тридцать лет назад, и поцарапанные осенние ботинки летом... И обладатель столь «стильного» гардероба позволит себе дорогие запонки? Вам самой не смешно, госпожа Рутшер?

Я держала лицо до последнего. Врать и стоять на своем до конца — порой единственный способ сбросить свои и чужие тайны.

— Точно не знаю, — я сделала вид, что задумалась, — кажется, запонки Вандуру подарила жена.

— И скупой козел не заставил ее вернуть их ювелиру? — чародей едко усмехнулся. — Я все равно узнаю правду, госпожа Рутшер, не выгораживайте подозреваемого.

Скупой козел?.. До глубины души меня возмутили оскорбления в адрес директора. Разве можно так о почтенном человеке, тем более покойном?

— Господин Вандур не был скупым. — Мой голос звучал надтреснуто и в то же время слишком звонко. — Прижимистым — да, был. Но иначе школа не продержалась бы так долго без его экономии!

Синие глаза инспектора переполняла ирония.

— Без его экономии? — он расхохотался.

Это стало последней каплей, которая подточила камень моего терпения.

— Знаете что?.. Вы грубиян! Боги наказывают за злословие в адрес ушедших!

— А вы забавная, госпожа Рутшер, — продолжал потешаться инспектор.

— Вы...

Я не договорила — карман куртки чародея засветился красным.

— Продолжим занимательный разговор позже, — спокойно произнес мужчина и достал амулет связи. — Аламейский. Слушаю.

Я стиснула зубы, успокаиваясь. Чего это я, в самом деле? Несдержанная, защищаю постороннего мне человека, когда собственная семья в беде. Я явно поглупела. Недосып виноват? Или мозги отключаются из-за инспектора? Он раздражает меня до красных пятен перед глазами!

Поняв причину своего странного состояния, я чуть утомилась и вся обратилась в слух.

С инспектором связался начальник городской стражи. Слушая короткие резкие приказы, я поверила, что свое звание героя Аламейский получил не только благодаря случаю. Он умеет вести за собой, подчинять людей, даже не видя их.

Когда произошел очередной прорыв демонов в наш мир, полегло много молодых чародеев: имея силу и знания, вчерашние студенты не умели ими пользоваться. Когда старшего по званию офицера растерзал демон, Аламейский возглавил отряд и блестяще справился с первоочередной на тот момент задачей — защитой мирного города от полчищ зубастых тварей. В горячке войны, когда демоны шли в наш мир волна за волной, никто не озаботился тем, чтобы заменить молодого офицера более опытным. Прозванный «бесстрашным», Аламейский почти месяц выполнял чужие обязанности, совершая подвиг за подвигом, пока король не услышал о нем и не повысил его в должности. Да так, что Аламейский возглавил полк, перескочив несколько званий сразу.

Но самая главная заслуга — он сумел использовать «Запиратель миров», заклинание, которое многим чародеям оказалось не по зубам. Я лично знала парня, у которого «Запиратель» отобрал зрение и магию.

— Вы до сих пор здесь? — удивился инспектор, закончив разговор с главным стражем Подгорска.

— Еще скажите, что я специально осталась, чтобы вас подслушивать! — вспыхнула я.

Что недалеко от истины, но кто же признается?

Я развернулась спиной к чародею и устремила в сторону выхода, старательно обходя разбросанные вещи.

— Госпожа Рутшер, вы зря покрываете своих друзей. Если они невиновны, им нечего бояться.

Не оборачиваясь, я оскорбленно ответила:

— Лорд Аламейский, мне нечего сказать.

— Хорошо. Жду вас и ваших коллег в кабинете Вандура завтра в девять часов утра. Не опаздывайте, иначе не узнаете тайны своего чудесного директора.

Взволнованная, я вылетела из дома, как будто за мной гнался голодный демон.

— Джемма, что вы здесь делаете?

Я ошибалась: демон поджидал меня впереди.

— Госпожа Ключик, добрый день.

Строгого кроя темно-серое платье до земли, постное выражение лица, острый нос, бескровные губы и стянутые в тугий узел русые волосы. Да так стянуты, что кожа на висках натянулась, делая разрез водянисто-голубых глаз еще уже. Ученики не зря прозвали мага-хозяйственника Снулой Рыбой.

— Этот день совсем не добрый, — всхлипнула Рыба, — прекрасного человека больше нет. Айона может радоваться, теперь она под стать вам, вы подруги недаром.

— Почему Айона должна радоваться гибели своего мужа? — Мне хотелось скрежетать зубами от злости.

Госпожа Ключик осудила бы и самую добродетельную даму, если той еще не было пятидесяти лет. Грешницы и потенциальные прелюбодейки — вот кем мы были в глазах старой девы. Еще бы! Мы смели надевать приталенные платья, носить украшения и даже — кошмар какой! — подкрашивать глаза и губы.

— Айона не любила своего супруга, она вышла за него, чтобы заполучить статус уважаемой дамы. Бесстыдница!

Сейчас не время отстаивать честь подруги, и я, сделав глубокий вдох, потребовала:

— Госпожа Ключик, позвольте пройти.

— Правда глаза колет? — восторжествовала Снулая Рыба.

— Кстати, о глазах. — Я восхищенно уставилась на лицо желчной девы. — Вы сегодня подкрасили ресницы?

— Что?.. — На бледных щеках вспыхнул багрянец возмущения. — Я ничего не красила!

Ее визг сейчас приятнее любимой музыки.

Я вежливо улыбнулась и покачала головой.

— Не смущайтесь. Вам идет. Очень!

И пока хватаящая ртом воздух женщина не пришла в себя от моего наглого вранья, я побежала домой, не подозревая, что меня там ждет.

Глава вторая,

*в которой дамы планируют обвести господ
вокруг пальца*

За суетой в школе и походом к коттеджу Вандура прошло полдня, и домой я попала к четырем часам. Пик летней жары миновал, но все равно хотелось забраться в ванну и не вылезать до глубокого вечера.

Неисполнимое желание: мне предстояло доделать последние заказы и собрать вещи, чтобы быть готовой покинуть город, когда найдут убийцу директора. Инспектор дал понять, что сразу займется моими нарушениями, значит, на побег у меня будут считанные часы, если не минуты.

Войдя в дом, я окунулась в тишину. Подозрительную, тягучую, не свойственную нашей семье. Если бы не приятный аромат куриного супа, я бы встревожилась.

На мысли о еде живот отозвался урчанием, но в первую очередь я заглянула в спальню.

Оливер спал поверх одеяла, раскинув руки и ноги в стороны. Каштаново-рыжие, как у меня, волосы задорно взъерошены, на лице мальчишки — тень улыбки. Даже во сне видит проказы? Не удивлена.

Чувство умиления сменилось тревогой: стоящий у постели сына кандедрон нагло благоухал, выкинув аж три большущих ярко-синих цветка. Утром, когда я уходила в школу, даже намека на стрелы не было, не то что бутоны.

Тревогу бить рано, но интуиция уже заливалась слезами.

Так, не буду испуганно заглядывать в будущее! Проблемы решают по одной.

Собравшись с духом, я отправилась на кухню.

Гибкая фигурка в простом зеленом платье неумимо порхала от стола к печи и обратно, словно в танце. Светловолосая девушка резко обернулась, будто почувствовав, что не одна.

— Ой, Джемма! А я не успела...

— Что, Лил?

Я с нарочитым удивлением приподняла брови и обвела взглядом кухню. На краю стола остывал круглый и золотой, словно солнце, хлеб, на печи булькал томящийся на медленном огне суп.

Сделав вдох и ощутив ароматы, витающие на кухне, предположила:

— Печенье не успела или жаркое?

Девушка покраснела.

— И то и другое... Еще полчаса.

— Спасибо, ты снова нас балуешь.

Пообедав, я блаженно зажмурилась на миг, а затем приступила к выговору:

— Было невероятно вкусно, Лил, но в энный раз прошу не усердствовать. Трать время на обучение, домашние дела — моя забота. Без печенок мы проживем, а вот на экзамене может попасться то, что ты не выучила, готова десерт.

Упрямица хитро улыбнулась.

— Джемма, я помню, но готовка меня успокаивает. А когда я спокойна, знания усваиваются лучше.

Вроде бы говорит умные слова, да только «успокаиваться» Лил любит каждый день. Бытовая магия — это не то, чего желала бы я для талантливой воздушницы.

— Ты не кухарка, Лил, ты будущая магичка или вообще чародейка.

Девушка возмущенно фыркнула:

— Тебе не надоело подзадоривать меня, откровенно льстя? Вторая стихия у меня выражена слабо, третья точно не светит. Так какая из меня чародейка?

— Ты слишком поздно начала заниматься, — с нажимом на слове «поздно» произнесла я. — Еще одна стихия может проснуться и через полгода после совершеннолетия.

— Нет, Джемма, я обычная магичка, мне и этого с головой.

Лил не позволила мне мыть посуду — нагло отобрала тарелки.

— И да, я насмотрелась на пробуждение чароде-ев, подобного счастья мне не надо.

Я не стала заверять, что у нее все будет иначе, — она почти взрослая, и ломка ей не грозит.

— Видела, кандедрон зацвел?

Посерьезневшая Лил кивнула.

— Подожди расстраиваться, возможно, земля дает о себе знать.

Скручивая вышитую салфетку в тугую трубочку, я покачала головой.

— Кандедрон погибал, у меня все не доходили руки заняться им. А сегодня он зацвел. Маги земли спасают растения осознанно. Оливер не знал нужного заклинания и, не отдавая себе отчета, исцелил растение, которому было плохо.

Оставив посуду, Лил крепко обняла меня.

— Джемма, все будет хорошо. Мы справимся.

Делиться страхами с девочкой было нельзя, и я бодро улыбнулась:

— Я знаю, Лил. Ладно, чего это я сижу? Пойду делать крем для госпожи Брюм, а ты начинай собирать вещи.

Отстранившись и заглянув мне в лицо, Лил хмуро поинтересовалась:

— Зачем, если до экзаменов два месяца?

— Мы переезжаем, — весело сообщила я. — Все новости потом. Владелица мясной лавки обещала подойти к шести вечера, но она не отличается особым терпением, так что мне необходимо поторопиться.

Я ушла, оставив воспитанницу в растрепанных чувствах.

Объяснять, почему мы бежим с насиженного места, совсем не хотелось. Я еще и сама не свыклась, что тихая жизнь закончилась.

Закрыв дверь кабинета, с укором посмотрела на парадный портрет Рутшера.

— Здесь спокойно и Вандур, твой лучший друг, не выдаст наш секрет? Ну-ну, это первое, что он сделал, как только инспектор по делам магов переступил порог школы.

Пожаловавшись на жизнь портрету, я взялась за заказ.

Госпожа Брюм, словно предчувствуя мой скорый отъезд, возжелала целых десять банок омолаживающего крема. Все было готово, оставалось вмешать последний ингредиент и накачать силой.

Сегодня занятий не было, как и пациентов (мертвый директор не в счет), но я умаялась, когда закончила с десятой банкой.

Резерв в последние дни не радует. Отдых и полноценные семь часов сна мне необходимы, иначе узнаю, что такое выгорание, на собственной шкуре.

Узкий диван с пышной подушкой — как наваждение. Я не устояла и, заведя будильник, прилегла на полчаса.

...Серые стены судебного зала. Даже через обувь я чувствую холод мраморного пола.

— Госпожа Рутшер, вы признаете себя виновной в государственной измене? — Строгий голос бьет наотмашь.

Хочется спрятаться, забиться в укромный уголок.

— Да, признаю, — выдыхаю я обреченно.

— Ваша вина так велика, что вы заслуживаете смерти.

На месте судьи восседает инспектор. Ни капли сочувствия на изуродованной ирамами физиономии. Не человек, а бездушная говорящая статуя.

— Джемма Рутшер, примите свое наказание достойно.

Послушно переставляя ноги, я иду к инспектору.

— Мама! Мамочка!..

Оливер бежит ко мне, полыхая огнем, словно огромный факел. Пробуждение еще одной стихии. За что, боги?

Я бросаюсь к сыну на помощь, цепляюсь за подол платья и падаю на блестящий пол.

Треск плит. Сквозь разлом вырываются языки кроваво-алого пламени и клубы черного дыма. Я лежу прямо в огненную пасть...

— Джемма, тебя хотят видеть! Срочно! — Лил настойчиво трясла меня за плечо.

Помотав головой, я прогнала ужасные образы из памяти. Сон, ужасный и нереальный сон. Не буду думать о нем.

— Кто хотел видеть? — выбираясь из липкой паутины кошмара, прохрипела я.

Со стола исчезли баночки с кремом, будильник не там, где ставила я. Все ясно, Лил отключила, самонадеянно дав мне поспать.

— Он не представился, показал жетон инспектора по делам магов...

— Госпожа Рутшер, добрый вечер.

Я резко приподнялась на диване, в шоке глядя на проникшего в мой кабинет лорда Аламейского.

Одобрительно взирая на меня сверху вниз, он довольно произнес:

— Вижу, вы отдохнули. Значит, выполните задание без проблем.

— Какое задание?

Я с трудом сдерживала возмущение. Как он посмел вторгаться в мой дом? Это уже слишком!

— Задание государственной важности, — торжественно заявил инспектор. — И вы не имеете права отказаться.

Заявление взволновало: королю, как и его эмиссарам, не отказывают. Но мог бы и не давить, свои обязанности я выполняю всегда.

— Я нужна как целительница? Где пациент?

— Вы нужны как женщина, — лорд Аламейский подмигнул. — Мне.

— Что?..

Он сошел с ума? Да еще заявлять подобное при Лил!

Высказаться я не успела — инспектор продолжил шокировать:

— Вы должны сопроводить меня на ужин к градоначальнику.

— Это задание государственной важности? — Я не удержалась от иронии.

— Именно.

— Почему я?

— Предлагаете кандидатуру госпожи Ключек? — чародей вскинул рассеченную тонким шрамом бровь.

— Мое присутствие будет неуместным. — Я скорбно поджала губы, с намеком глядя на портрет господина Рутшера.

— Ваш траур давно закончился, — возразил чародей и въедливо добавил: — Портреты покойника в каждой комнате? Себе напоминание или от ухажеров прикрытие?

Я проигнорировала выпад, хоть он и попал в цель. К вдове общество снисходительно, и некоторые не особо обремененные моралью господи видят во мне искательницу легких интрижек.

— У меня нет подходящего наряда, — предъявила свой главный козырь.

— А как же...

Я тотчас зыркнула сердито на Лил, которая открыла рот, чтобы оспорить заявление.

Поздно. Чародей покосился на девочку и мягко улыбнулся:

— Прелесть, подберешь своей опекунке наряд?

И Лил, моя умница Лил, в ответ стеснительно улыбнулась!..

— Темно-фиолетовое платье из мерцающей хилисы подойдет? — с сомнением поинтересовалась Лил, глядя на черный костюм чародея.

Строгий фасон, материал дорогой. Отлично подчеркивает стройную фигуру инспектора, вызывая ассоциации с крупным хищником из семейства кошачьих.

— Подойдет, прелесть. И быстрее, пожалуйста, времени мало.

Лил рванула из кабинета приводить мое платье в порядок.

— Что-то не так, госпожа Рутшер? — чародей вскинул брови.

— Да. Во-первых, она не прелесть, а Лил. Во-вторых, ей шестнадцать, так что не старайтесь ее обаять. И в-третьих, вы вторглись в мой дом.

— Все претензии? Или будут еще?

Непробиваемый нахал! Я только поморщилась, промолчав.

— А раз претензии все, госпожа Рутшер, то почему вы еще здесь? Вам разве не надо припудрить нос? Или что там делают дамы перед званым ужином?

Я сложила руки на груди.

— А я никуда не еду. Посещение дома градоначальника — не на благо королевства, а ваша личная блажь. Меня не осудят за отказ.

Я блефовала, прекрасно понимая, что поверят ему, а не мне — у инспекторов, занимающихся делами магов и чародеев, неограниченная власть. Даже герб на жетоне с королевским медведем, что намекает на их избранность, приближенность к трону.

— А ведь еще утром вы просили закрыть глаза на нарушение закона. — Инспектор прищурился. — Или уже смирились, что скороспелый сын-маг отправится в столичный пансион?

Меня передернуло от ужасного предположения.

— Нет! Ни за что! Я не хочу, чтобы мой ребенок учился там.

— Сколько экспрессии, сколько страсти! — Инспектор ухмыльнулся. — Только проявляете вы их не там, где нужно, и не пользуетесь моментом. Но я сегодня добрый и сам предложу выгодную сделку.

Любопытно, почему он не желает появляться у градоначальника без сопровождения? Пустая прихоть? Или есть причина, раз он так настойчив? Я уже все для себя решила, но сделку заключу, чтобы не вызывать подозрений.

— Я слушаю вас, лорд Аламейский.

Мужчина посерьезнел.

— Маленькое уточнение. Направление магии вашего сына?

— Созидание, — честно заверила его.

— Две или три стихии?

— Земля, вода и воздух, — перечислила я, радуясь, что он не спросил о сопутствующих дарах.

Впрочем, я и сама еще не уверена, есть ли у Оливера склонность к магии исцеления.

— Ваш сын не маг, а чародей... Хорошо. Мое предложение в силе: вы становитесь моим прикрытием у градоначальника, я закрываю глаза на раннее пробуждение магии вашего сына и не отправляю его в пансион, если не пожелаете обратного.

Не пожелаете обратного? Оставил себе лазейку... Повезло, что мне его милость больше не нужна.

Я быстро протянула руку, предлагая скрепить сговор.

— Идет, я согласна.

Чародей почему-то поморщился, но ударил по ладони. В воздухе сверкнули золотым магические печати, подтверждая, что сделка заключена.

Мне понадобились полчаса и ловкие руки Лил, умеющей скрутить мои вьющиеся волосы в элегантную прическу, чтобы собраться.

Роскошное платье, которое я покупала на годовщину свадьбы, но так и не надела, нежно ласкало тело. Поднятые в высокую прическу волосы и кольцо из четырех нитей аметиста подчеркивали тонкую шею, темные тени — кошачий разрез глаз, а бальзам с эффектом блеска — форму губ.

Чародей окинул меня придирчивым взглядом и одобрительно кивнул. Ни критики, ни комплиментов... А еще аристократ!

Я мысленно посмеялась над своими претензиями. Какая мне разница, что он думает о моей внешности? А ведь все равно немного обиделась, что он промолчал.

Лорд Аламейский заметил мою реакцию и вскинул рассеченную шрамом бровь.

— Появились еще претензии?

Боги, да он демонски проницателен!

— Разве я осмелюсь... высказать четвертую?

— Хорошо. Пока вы копите смелость, мы спокойно доедем.

Возле коттеджа стояла черная карета, запряженная двойкой вороных жеребцов, нетерпеливых и громких. На козлах сидел крепкий кучер в черном плаще и широкополой шляпе, из-за которой я не смогла рассмотреть его лицо. Бедняга, как он еще не сварился в своем глухом наряде, ведь лето выдалось жаркое?

Увидев на двери «медвежий» герб, я не удержалась от подколки:

— Ваше чародейство, отправляетесь развлекаться на служебном транспорте?

— Согласитесь, что это удобно? — ответил лорд Аламейский невозмутимо.

— И экономически выгодно, — поддакнула я.

— Вот-вот. Люблю свою работу!

Словно галантный кавалер, он помог мне подняться в карету.

На выезде из школы случился конфуз: нас остановил сторож, боевой маг в отставке. Заглядывая в карету, он едва не кланялся. Никогда еще я не видела Мувуриса таким взволнованным и виноватым.

— Ваше чародейство, я верой и правдой служил королю! Я не знал, что Вандур и Прекстона нельзя выпускать! Я же не думал, что они директора грохнули!

Вина Айоны и преподавателя боевой магии еще не доказана, а их уже называют убийцами. Печально...

— Успокойтесь, вас никто не обвиняет, — спокойно произнес инспектор. — Вы придерживались инструкции.

— Правда? — недоверчиво переспросил сторож. — Теперь меня не уволят?

— Вы сохраните свою должность.

Облегчение отразилось на сухощавом лице Мувуриса. И я порадовалась, что теперь мы сможем ехать дальше.

— Спасибо, ваше чародейство! Хорошего вам вечера! И вам, госпожа Рутшер.

— Джемма здесь?

Я ошиблась, решив, что теперь мы сможем спокойно покинуть территорию школы.

Из густой тени, отбрасываемой кроной дуба, вышел Грэхем. На его лице застыла брезгливая гримаса, руки сжимались в кулаки и тотчас разжимались.

— Ты меня удивляешь, Джемма, — со сдерживаемой яростью заявил он. — Почему ты с ним? Чем же я не подошел?

Нападки Грэхема оказались полной неожиданностью.

Когда я овдовела и Вандур еще не предложил занять место покойного супруга, хоть у меня и не было диплома, наглый сосед навязывал свою помощь в обмен на «капельку нежности». Непотребные слова он подкрепил действиями — зажал прямо в коридоре школы и полез с поцелуями. Мне повезло вырваться. К следующей атаке я уже подготовилась: ошеломив его заклинанием из арсенала боевиков, сломала нос. И все же два года Грэхем преследовал меня. Даже предложил замужество.

Начни он с него, я бы подумала. Вру. Ни за что не согласилась бы! Ни Лил, ни Оливеру наш сосед не нравился, да и не был он человеком, который мог сохранить мою тайну. Он первый доложил бы, что магия у моего сына проснулась слишком рано, что нестабильна и все еще растет. И да, похоже, у Оливера не просто три стихии, а и пробуждающийся сопутствующий дар — магия исцеления.

— Молчишь, Джемма? Неужели я хуже этого калеки? Темнота не все скрывает.

— Кто сказал, что я люблю темноту? — скучающим тоном произнес инспектор. — Чем больше света, тем интереснее.

Почему Грэхем решил, что я согласилась стать любовницей Аламейского? Просто потому, что сидела рядом с ним в карете? А еще была одета в вечернее платье... Вывод напрашивался сам собой.

Горечь разлилась во рту. Даже когда враг считает тебя доступной, обидно до слез.

— Лорд Грэхем, вы ошибаетесь. От лорда Аламейского мне не поступало лестных предложений. — Одарив инспектора нежной улыбкой, я им-

пульсивно добавила, желая позлить ненавистного блондина: — О чем я искренне сожалею.

Мой спутник издал удивленный смешок.

— Ах ты, дрянь! — Грэхем страшно оскалился и вскинул руки.

В меня полетело «Шаровое копьё».

Испугаться не успела — ослепительно-голубую вспышку поглотил «Щит» инспектора.

— Нападение на представителя короля и служащую школы? Грэхем, в курсе, что вас ждет?

— Мне все равно, — процедил сквозь зубы блондин, пытаясь разорвать «Воздушные путы», которыми спеленал его Аламейский.

— А зря. — Потеряв интерес к преподавателю, инспектор выудил из кармана черного камзола блокирующий магию браслет и бросил сторожу. — Господин Мувурис, передадите нарушителя стражникам. Справитесь?

Отставной боевик растерянно кивнул и торопливо защелкнул блокиратор на руке преподавателя.

Тот грязно ругался и сыпал угрозами:

— Вы все пожалеете! Я обращусь к королю!..

— Ваше право, — лениво отозвался инспектор.

Все так же молчаливо Мувурис принял и «поводок» от «Воздушных пут» Грэхема.

Дверь захлопнулась. Карета рванула вперед, и меня откинуло на мягкие подушки сиденья.

— Мы куда-то торопимся?

Инспектор усмехнулся:

— Разумеется! Мы спешим сообщить градоначальнику Подгорска печальную новость о племяннике.

Больше не останавливаясь, карета покинула территорию школы и направилась в центр, к трехэтаж-

ному дому самого влиятельного семейства нашего города.

— Как долго Грэхем пытается пробраться в вашу постель?

Вопрос прозвучал странно. Не похабно, нет. Так целитель спрашивает о течении болезни.

— Два года. До смерти супруга он осмеливался лишь на чересчур назойливые комплименты и неприлично долгие взгляды.

— Вы держались стойко. И довели мужика до преступления.

Я вся подобралась.

— Я еще и виновата?

— Кто-то так и скажет. — Лорд Аламейский не сводил с меня внимательного взгляда. — Готовы к осуждению со стороны общества? Кокетка, сводящая с ума своей холодностью достойных мужчин.

Меня даже затрясло от негодования.

— Я не давала повода! Никогда!

— «Сила женщины в ее мягкости и уступчивости», — явно процитировал кого-то лорд Аламейский. — «С веселой вдовы не убудет».

— То есть я должна была... должна...

Язык не поворачивался произнести отвратительный вывод.

— Сломать ему нос, — подсказал лорд светским тоном. — Чем успешно и занимались, насколько я успел заметить.

Не передать степень моего облегчения и признательности! Он ведь прав. Нравы в обществе магов и чародеев далеко не суровы. Это юной магичке следовало беречь себя, чтобы после замужества усилить мужа. Потом на интрижки на стороне закрывали глаза. Вдова и вовсе могла в открытую вести свободный образ жизни, если он будет без последствий.

Для себя подобное я считала неприемлемым.

— Когда устанете ломать носы, обращайтесь. Я научу особому заклинанию, — внезапно предложил лорд.

Это какому же? Заинтриговал!

Я сразу не нашлась, что ответить, и просто кивнула.

Разговор о нападении Грэхема быстро затух, чародея заинтересовали мои прегрешения.

— Почему вы настроены против пансионата?

— До выпускного курса доживают не все дети, и вы спрашиваете, почему я не хочу отправить туда сына? — Подобный вопрос задавали не раз, и я научилась реагировать спокойно. — Надежнее постигать азы магии с помощью наставника.

— Если найдете хорошего, — покладисто согласился инспектор. — А летальные случаи были в первые годы после открытия пансионата.

— Но ведь были? И гарантий, что мой ребенок не пополнит собой статистику, нет. Я вообще не понимаю, зачем нужен этот спецпансион.

— Дети, у которых магия проснулась до десяти лет, опасны в первую очередь для себя. Скажете, что у Оливера никогда ничего не взрывалось, не взлетало, не ломалось?

— И что, это повод запретить его в четырех стенах с такими же, как он, невезучими ребятами?

— Вы не чародейка, госпожа Рутшер, многого не знаете и не понимаете, — глухо произнес инспектор. — Если погубите парнишку, это будет на вашей совести.

Уколы не достигли цели — я своими глазами видела страшную статистику. Нет, я больше доверяю себе, нежели посторонним специалистам, которые получают зарплату за воспитание юных магов. Пан-

сион закрыт для посещений, детей муштруют слишком жестоко.

— Я почти два года владею ситуацией. Оливер уже знает, что такое ответственность.

Скрестив руки на груди, инспектор буравил меня недовольным взглядом.

— Магия толкает на безрассудство. Однажды его действия могут причинить вред не только ему самому, но и тем, кто будет рядом.

— У Оливера магия созидания, — напомнила я.

— Созидание или разрушение — не важно, даже целители могут случайно навредить.

— Я рядом с сыном, помогу ему продержаться до десяти лет.

— А может, вы против пансиона, потому что не хотите выпускать сына из-под своей юбки? — осенило инспектора. — Вы жаждете распорядиться его жизнью и в дальнейшем?

Оскорбление не задело. Подавшись вперед, я заглянула ему в глаза.

— Скажите честно, вы бы отправили своего ребенка туда?

— У меня нет детей, — сухо произнес инспектор. — Зато я учился в этом пансионе, как и наш король.

— И ему там так понравилось, что сразу после коронации он сменил весь преподавательский состав! — колко заметила я.

— Так вы все-таки интересовались условиями обучения, — резюмировал инспектор довольно. — Поверьте, после реформы короля Элгеуса многое изменилось.

Я закрыла глаза и откинулась на мягкую спинку сиденья. Бесполезно. Он меня не поймет.

Пансион — не только повышенный риск, что моего ребенка обидят, а то и нанесут увечья. Нет.

Пансион — это украденное детство, лишённые материнской любви мальчишки, которым слишком рано приходится учиться самостоятельности.

Может, обучение в пансионе и сделало лорда Аламейского таким черствым? Не удивлюсь, если угадала.

— Госпожа Рутшер, мы подъезжаем.

Голос инспектора выдернул меня из размышлений.

— Вы нарушили закон и сейчас смягчаете свою вину, помогая мне. И я не должен говорить, но... — На несколько секунд в карете воцарилась тишина. — Я желаю вам удачи, госпожа Рутшер.

Почему у меня такое ощущение, что он хотел сказать нечто иное?

Глава третья,

*в которой происходит то,
что непозволительно в первый день знакомства*

Ощущение недоговоренности не давало покоя, пока мы шли к парадному входу особняка, который сегодня преобразился. Украшенные магическими фонариками терраса и сад, хорошо освещённая дорожка, иллюзорный дворецкий у двери — Грэхем-старший серьёзно подготовился к званому ужину. Семейному ли, как утверждал его племянник? Если родственники — все значимые фигуры Подгорска, то так можно сказать.

Прежде чем переступить порог дома, чародей провернул кольцо из серебристого металла гравировкой наружу — я почувствовала легкое присутствие чар, словно ветерок коснулся щеки. Что изображено на печатке, не рассмотрела, но, похоже,

это не родовое кольцо, хоть и носил его чародей на левом безымянном пальце. Нет, это какой-то древний артефакт из церигия, и его только что активировали. Артефакт, определяющий ложь? А как была повернута печатка, когда инспектор допрашивал меня? Не помню... Не зря я старалась не врать!

— Готовы, госпожа Рутшер? — с предвкушением улыбнулся инспектор.

— Если нет, вы отвезете меня домой?

— Мне нравится ваше чувство юмора, госпожа Рутшер! — хохотнул он и повел меня навстречу неприятностям.

Что они будут, вопила интуиция, умоляя, чтобы я бежала от инспектора подальше.

И внутри дом градоначальника блистал, что легко, если владеешь артефактом иллюзий. Не самый древний род Грэхем слыл обладателем нескольких уникальных вещей, которые могущественные чародеи прошлого создали из церигия. Как поговаривали злые языки, именно приданое жены, деньги и артефакты смирили градоначальника с мыслью, что не ему достался титул лорда.

Лакей проводил нас в просторный зал, заполненный кружащимися под прекрасную музыку парами.

— Лорд Аламейский, как же я счастлив, что вы приняли приглашение! Добрый вечер!

Светловолосый, как и племянник, хозяин особняка поспешил к нам с лучезарной улыбкой на худощавом, вытянутом лице.

— Добрый вечер, господин Грэхем.

— Я так рад, так рад! Госпожа Рутшер, давно не видел вас.

Старший Грэхем кланялся и рассыпался в любезностях. Это его обычная манера общения, складыва-

лось впечатление, что приветливее и добрее человека не сыскать во всем городе. Обман. Градоначальник умел вызывать доверие, находить слабые места и прицельно по ним бить. Когда мы с супругом только переехали в город, нас встретили, как любимых родственников. И только со временем стало ясно, что добродушие — всего лишь удобная маска.

Несмотря на все старания градоначальника, а затем и его жены, лорд Аламейский не отпускал меня от себя ни на шаг и не реагировал на завуалированные просьбы потанцевать с незамужней дочерью хозяев дома.

Я особо не прислушивалась к разговору, но насторожилась, когда речь зашла о школе и преступлении директора Вандура. Что они называют злодеянием? Обворовывать бедных школьников он не мог — у них, вообще-то, нечего брать, значит, он виновен в том, что не вовремя умер? Дурацкая шутка, но как бы она не оказалась правдой.

— Лорд Аламейский, я и подумать не мог, что со школой не все чисто! Что понадобится проверка сверху.

— У директора Вандура были сообщники, которые его прикрывали. И раз вы ничего не заметили, они из числа ваших приближенных, ваших помощников, — вкрадчиво произнес чародей.

— Мерзавцы! — Градоначальник промокнул высокий лоб платком. — Пригрел я змеиный клубок у себя на груди.

— Не волнуйтесь, я обязательно их вычислю.

— Конечно-конечно! Я не сомневаюсь в ваших способностях!

Официант подошел с вином и фруктовым соком в серебряных бокалах. На правах хозяина градоначальник торопливо вручил напитки дамам и гостю.

Лорд Аламейский вскинул бровь, увидев, что мне достался сок.

— Госпожа Рутшер совсем не пьет, — будто оправдываясь в чужом жутком преступлении, произнес градоначальник.

— Как вы всем говорите, дорогая Джемма? Целительница должна быть всегда готова выполнить свой долг, — манерно произнесла госпожа Грэхем.

Я вежливо улыбнулась, подтверждая ее слова, и пригубила яблочный сок.

Чародей несколько мгновений рассматривал серебряный бокал, затем провел ладонью над его содержимым.

Что происходит? Почему он открыто проверяет на яд? Не думает же, что его здесь отравят? Его, представителя короля!.. Это будет откровенной изменой, которая не останется без наказания!

Градоначальник и его супруга маневр высокого гостя заметили, но только поджали губы. Вот уж правду говорят, что спустя десятилетия совместной жизни люди становятся похожи.

Еще немного помедлив, лорд Аламейский сделал глоток.

— Великолепное вино. Вуртширское?

— Да, повезло получить в подарок несколько бутылочек от друга, — самодовольно произнес градоначальник.

Настроение у него явно улучшилось из-за похвалы.

— Дорогой, ты ведь хотел что-то рассказать инспектору? — напомнила госпожа Грэхем. — Будь смелее, а я поговорю пока с Амалией.

Я обернулась.

К нам стремительно направлялась, едва не чеканя шаг, старшая дочь хозяев, молодая красивая блондинка, одетая чересчур эффектно и смело для

глубинки. В прошлом году она вышла замуж со скандалом: заезжий аристократ соблазнил бедняжку, но пытался сбежать, не узаконив отношений. К счастью, закон богини Гармонии, защищающий честь одаренных девушек, не позволил бросить опозоренную.

— Лорд Аламейский, у меня есть доказательства, что не Вандур козырь в этой подлой игре. Им прикрывались, играя вслепую.

Чародей прищурился.

— Интересное заявление. Я хочу взглянуть на ваши доказательства.

Градоначальник покосился в мою сторону, затем стрельнул глазами на жену, которая отошла, чтобы поговорить с взволнованной Амалией. Настроение дочери быстро передалось и матери.

— Это доказательство деликатного рода, — тихо признался градоначальник. — Я могу показать лишь вам.

— Госпожа Рутшер — моя дама на этот вечер, я не могу оставить ее.

В этот момент я обернулась и заметила темноволосого военного, который проходил мимо. И поняла, что выпавшим шансом грех не воспользоваться.

— Вы можете доверить меня деверю. — Я упорхнула от чародея, утратившего бдительность. — Людвиг, как же я рада вас видеть!

Как всегда, невозмутимый деверь запечатлел на моей руке почтительный поцелуй.

— Джемма, дорогая, безмерно счастлив вас лицезреть.

— Вы нас совсем забыли, Людвиг. Я опечалена, и Оливер постоянно спрашивает, почему дядя не навещает его!

Дорогого родственничка перекосило, как будто вино в его бокале превратилось в уксус.

Хм, забавно... а для других гостей щедрости градоначальника не хватило на серебро, лишь на хрусталь.

— Хорошо, пока госпожа Рутшер общается с родственниками, я взгляну на то, что вы хотите мне показать.

Чародей не скрывал своего недовольства, но не стал напоминать, для чего я здесь. И правда, для чего? Атаковать его жаждущие замужества дамы не спешили. Заинтересованность я наблюдала, но ее перевешивал страх перед должностью, которую чародей занимал. А может, все-таки и шрамами...

Стоило им с градоначальником отойти, как Людвиг прошипел:

— Соскучился Оливер? Большой чуши я от тебя не слышал!

И это правда. Хотя Людвиг чародей и знал тайну племянника, найти общий язык они не сумели и вели себя в моем присутствии как кошка с собакой.

— Мне был нужен повод для беседы.

— О как! Опять будешь меня мучить пустой надеждой? — Людвиг залпом допил вино.

— Нет. — Поколебавшись немного, обреченно выдохнула: — Я принимаю твое предложение.

Людвиг побледнел. Не иначе от счастья?

— Джемма, это неожиданно... — Голос его стал тише, злость испарилась.

— Сама знаю, — перебила его. — Обещаю, все у нас будет хорошо. Я полюблю тебя, а Оливер проникнется уважением.

На мои заверения деверь отреагировал крайне странно: побагровел, словно сердце прихватило.

— Ты хоть слышишь себя? Как можно полюбить по желанию?!

— Покричи еще громче, не все услышали, — обобрвала его я и стиснула зубы.

Еще никогда я не видела Людвиг в таком раздражении. Даже когда отвергла его десятое, юбилейное, предложение руки и сердца, он загрустил, но не кричал.

— Джемма, ты не думала, что согласие я получил слишком поздно?

Я опешила. Это как — слишком поздно? После смерти старшего брата Людвиг настойчиво добивался моего внимания, а сейчас вдруг поздно?

Что-то такое отобразилось на моем лице, раз он принялся быстро оправдываться:

— Не подумай, что я охладел! Я понял, что мы не будем счастливы вместе. Я не твой мужчина, как бы мне ни хотелось обратного.

Станный разговор. И причина странная. Мне нужно срочно покинуть город, спасти Оливера от пансиона, а Людвиг решил меня кинуть? Нет уж! Ныл о своей безответной любви и моей жестокости два года, теперь расплачивайся!..

Я шагнула вперед и ласково коснулась плеча деверя. Проведя с громким царапаньем по серебрястой нашивке на мундире, пообещала:

— Мы будем счастливы, не переживай.

— Звучит как угроза, — нервно хмыкнул он. — Джемма, я серьезен. Да и Оливер меня не примет как нового отца.

Какой же он... возмутительно упрямый!

— Оливеру сейчас нужней не отец, а наставник.

— Вот в чем дело. — Людвиг отступил на пару шагов. — Ты могла просто об этом попросить.

О, неужели так просто?

— Хорошо, я попрошу...

— Госпожа Рутшер! Пожалуйста, помогите, моя подруга умирает!

Хрупкая девушка в бледно-розовом платье вцепилась в мое запястье, как краб клешнями в рыбку. Чувствую, от нежных пальчиков дебютантки у меня останутся синяки.

— Пойдемте, по дороге расскажете, что с подругой.

Если бы кто-то действительно умирал, в зале царила бы суматоха, но музыканты играли, пары кружились в медленном танце.

— Она в библиотеке, боится показаться людям, что неудивительно с такой-то внешностью! — тараторила девушка, таща меня за собой, как ведущий конь в упряжке.

Я ускорила шаг.

— И что случилось с ее внешностью?

Похоже, я не права: случай серьезный, только тщеславная девица не пожелала, чтобы ее видели заболевшей.

— Ее пчела ужалила, лицо похоже на войлочный мяч.

— Такое же серое?

— Нет! Такое же надутое.

— У нее непереносимость яда пчел?

— Да откуда же мне знать!

Выйдя в холл, я побежала, и теперь дебютантка дробно стучала каблучками, не успевая за мной.

Зато я прибежала вовремя. Девушка, желавшая, чтобы ее видели только красивой, опухнув, уже засыпала. Возможно, последним сном. Уши надутые, как подушечки для иглолок, выпяченные губы...

— Веспайнон! — Я взмахнула рукой, бросая заклинание.

Несколько долгих минут я боролась за чужую жизнь. Не прячясь укушенная в библиотеке от людей, было бы проще и быстрее.

Восстановить дыхание, очистить кровь от яда. Чуть взбодрить.

Когда девушка свободно задышала, я и сама почувствовала вкус воздуха.

— С кем она приехала? Позовите ее близких.

— Да, конечно, сейчас...

Бдительную подругу потряхивало от волнения — и я успокоила ее заклинанием.

— Вы молодец, спасли жизнь человеку.

Щеки девушки порозовели, она несмело улыбнулась и вышла из библиотеки.

Через несколько минут родители пострадавшей забрали ее домой, стараясь лишней раз не привлекать к себе внимания. Скандал и слухи не красят барышню, которая только начала выезжать в свет.

Оставшись в одиночестве, я подошла к открытому окну, посмотреть на безупречный сад градоначальника и подышать свежим воздухом.

Тяжелая бархатная портьера и разлапистый цветок в кадке невольно спрятали меня, и ворвавшиеся в библиотеку дамы решили, что одни.

— Я не хочу, мама, не хочу! Он же страшный, как демон!

— Заткнись!

— У него шрамы, мама! Не хочу, нет!..

Шрамы?.. Это о ком они говорят? Неужели о лорде Аламейском?

Я хотела выйти, чтобы невольно не подслушивать, но ноги потяжелели, когда раздался звонкий звук пощечины.

— Тихо, маленькая дрянь!

Это же госпожа Грэхем? А скулящая девушка, которой досталась оплеуха, тогда ее младшая дочь?

— Хлоя, ты понимаешь, что произойдет, если откажешься? Твой отец угодит за решетку, наше имущество конфискуют, в том числе и твое приданое. И знаешь, что будет?

— Ты останешься старой девой, Хлоя, — подсказал третий женский голос.

О, и старшая дочь здесь? И чего же они вдвоем добиваются от младшенькой?

— И не надейся на хорошенькую мордашку — без приданого дочь преступника никому не нужна. — Госпожа Грэхем была резка, как никогда раньше на моей памяти.

Амалия уговаривала мягче:

— Я завидую тебе, Хлоя. Жаль, я уже замужем. Аламейский — влиятельнейший мужчина королевства, разумеется, после его величества. Богат, знатен. И он чародей.

— А еще у него шра-а-амы! — провыла Хлоя.

— Шрамы украшают героев. В столице леди рвут соперницам волосы, дерясь за право побывать в его постели. Он, говорят, в ней хорош, — мечтательно произнесла Амалия. — Щедрый на ласки, заботится, чтобы его любовница первой и не один раз получила удовольствие. Не то что некоторые...

Старшая сестра еще что-то пробурчала, но я не расслышала.

От циничных откровений меня потряхивало. В висках пульсировало.

Они всерьез решили выдать Хлою за лорда Аламейского? А его спросили?.. Хлоя красивая девушка, одаренная магичка, не спору. Но таких девиц полно и в столице! Почему чародей должен остановить свой выбор на дочери градоначальника провинции-

ального городка? Да еще этот брак якобы спасет Грэхема от тюрьмы!.. Инспектор кажется принципиальным человеком, он не закроет глаза на вину тестя.

— Хлоя, я тебе очень, очень завидую, — повторила Амалия. — Подумать только, моя сестра — будущая герцогиня Аламейская!

Ага, как же, герцогиня!.. Не по этим зубам пирог, подавятся.

Громко шмыгнув сопливым носом, Хлоя с надеждой прошептала:

— Ты правда мне завидуешь?

— Да, — вздохнула сестра. — Знала бы я, что в наших краях объявится герцог, потерпела бы с замужеством еще годик.

— Мама, вы меня не обманываете? Без этого... именно сегодня не обойтись? — уже сквозь слезы спросила Хлоя. — Я хотела все по правилам, после храма...

Я кусала губы, сдерживая желание выскочить из своего убежища. Страшно, дико подслушивать подобное! И это родные люди...

— Хватит сопли развозить! — рявкнула госпожа Грэхем.

Даже меня проняло: столько злости прозвучало в тоне.

— Чародей выпил всего один глоток, подействует скоро, а ты, Хлоя, с распухшим носом. Приведи себя в порядок и беги в кабинет отца, пока не поздно. Вот запасной ключ.

Дамы поспешно покинули библиотеку.

Щеки полыхали, руки тряслись. Стыд. Гнев. Ужас. Я и не представляла, что подобное бывает! Градоначальник замешан в каком-то злодеянии и пытается спастись, породнившись с инспектором, и для этого идет на новое преступление!

Хлою принуждают скомпрометировать себя, прыгнув в объятия Аламейского. И тот, опоенный зельем, не устоит. И будет вынужден жениться, чтобы замаять скандал, ведь Хлоя магичка, и вместе с невинностью отдаст своему первому мужчине благословение богини, усилит его. А если чародей откажется жениться, она заявит, что ее взяли силой, опозорили, лишили самого дорогого... До чего же мерзко, боги! И это творят родители девушки...

А Аламейский? Почему он не почувствовал зелья в своем бокале? Или зелья там и не было, а виноват сам бокал? Опять-таки почему умный, сильнейший чародей современности не определил, что пьет из артефакта?

Разные бокалы для разных гостей... Точно! Это был не просто артефакт, а древний, из церигия! Серебро и магический металл сложно различить на глаз.

Я толкнула окно, открывая его шире, и вошла на подоконник. Слава богам, что мода на пышные юбки с кринолином закончилась до войны и сейчас приветствуются естественные линии в одежде. В длинном платье тоже неудобно, но зато его можно подобрать и завязать на поясе. Пару минут промедления роли не сыграют, и Аламейский не потеряет статус свободного мужчины.

Я особо не думала, действовала на эмоциях, твердо зная, что должна спасти инспектора, пусть даже он и не оценит мои старания.

Для первого этажа высоковато. Используя портьеру, как веревку, я спрыгнула на клумбу.

И повисла.

Мое платье зацепилось за подоконник!.. И больно сдавило тело в талии. Может, это знак богов? И мне не стоит влезать в чужие разборки? Что я

смогу сделать сама? Я, слабая женщина, не справлюсь с градоначальником и его семейкой. И вообще, почему я спасаю врага? Он хотел отправить Оливера в пансион, не вошел в положение с моим отсутствующим дипломом. Что он сделал для меня хорошего?

Ни-че-го!

Инспектор — чародей, вот пусть разбирается со своими проблемами сам. Я же нужна маленькому сыну, больше у него фактически никого нет. И если меня сейчас убьют — а меня точно не пожалеют, ведь градоначальник не пощадил даже родную дочь, — мой мальчик останется один. Нет, пусть Аламейский спасает себя сам!

Треск ткани. Миг полета.

Я упала на клумбу, сильно ударившись ладонями и коленками. Ох, больно-то как!..

Кажется, богам не понравилось направление, куда свернули мои мысли. Я же целительница и просто сознательная гражданка Церестана. Я не могу оставить человека в беде!

К тому же Аламейский — герой войны, представитель короля, занимается нужным делом. И он пообещал оставить Оливера в покое.

Все, решено! Я помогу Аламейскому, но не одна.

Зная, где стоит карета инспектора, я уверенно бежала по саду.

Когда я зацепилась каблуками за траву и чуть не упала во второй раз, пришлось остановиться и снять туфли. Хоть сейчас лето, на мне шелковые чулки, обработанные магией, не порвутся и не позеленеют, и бежать буду быстрее.

Найдя карету Аламейского, возблагодарила богов, что кучер никуда не ушел, а все так же сидел на козлах.

— Вашему господину нужна помощь! — запыхавшись, сообщила я.

Мужчина даже не пошевелился. Спал, что ли? Из-за поднятого воротника плаща и широкополой шляпы лица не видно.

— Его опоили из бокала-артефакта и сейчас пытаются женить!

— Да ладно! — радостно заржал кучер и щелчком пальца сдвинул шляпу назад. — Ну, лорденыш и влип! Зато его матушка будет рада хоть такой невестке!

Хриплый смех напоминал треск стекла, по которому прошлись в сапогах с железной набойкой. Неприятный, жуткий смех, как и тип, который его издавал.

— Вы собираетесь помогать своему господину?

— А ему нужна помощь? — продолжал издеваться кучер.

Огромные желтые глаза, белая кожа и волосы. А зубы!.. Заостренные, как у хищника. Не человек. Точнее, не совсем человек?..

Плоды союза человека с представителем другой расы встречались нечасто, ведь нелюди редко заглядывали в наш мир. Смески обладали невероятной силой и странной моралью. И где только Аламейский раздобыл подобного индивида? Кажется, сегодня он за это расплатится — в отличие от нормального кучера, этот помогать не собирался.

— Простите, что побеспокоила, — едко произнесла я. Очень хотелось запустить туфлями в гада.

А собственно, почему я отказываю себе в удовольствии?..

— Вы трус?

Первая туфля полетела в кучера и угодила точно в лоб.

— Или предатель?

Вторую туфлю кучер отбил и по-звериному зарычал.

Жуткий рык сквозь оскаленные зубы придал мне ускорения. Страшно! И в то же время хотелось смеяться: у кучера был такой удивленный вид! Видать, никогда не получал по голове дамской туфелькой?

Нет, больше рисковать и дразнить я не буду. Понятие чести у нелюдей отличается от человеческого. За некоторые глупые, но в целом безобидные поступки они могли покарать смертью.

Ничего, как-нибудь сама вытащу Аламейского из передраги.

Я побежала обратно к дому. Повезло, что неплохо знала его планировку.

Одной рукой держась за выкинутую из окна штору, я залезла обратно в библиотеку.

В коридоре никто не встретился, и без препятствий я добралась до кабинета хозяина дома.

Комната закрыта изнутри. Для меня это не проблема: когда Оливер в шесть лет случайно закрылся в спальне, гостивший у нас Людвиг показал заклинание, взламывающее замки. Он не имел права выдавать секреты военных, но для семьи брата сделал исключение.

Приставив ладонь к замочной скважине, шепнула отпирательное заклинание.

И снова я вовремя.

Бледная Хлоя торопливо раздевалась, если так можно назвать кромсанье одежды ножом для разрезания корреспонденции.

Лорд Аламейский лежал на диване и не подавал признаков жизни. Если он в отключке, то как Хлоя должна лишиться невинности?! Как целителю, даже

интересно было бы на это взглянуть, но... не в этот раз точно.

Покончив с шелковым нижним бельем, голая девица нерешительно приблизилась к спящему. Миловидное лицо исказилось от нахлынувших эмоций, когда она взялась за ремень лорда.

— Не смей, отойди от него!

Хлоя уронила нож и торопливо завернулась в покрывало, схватив его с дивана.

— Госпожа Рутшер... — На меня смотрели огромными, словно чайные блюдца, глазами.

Тоска, растерянность и стыд — вот что я увидела в девичьем взгляде, прежде чем все перекрыла решимость.

Подняв с пола нож, Хлоя прошипела:

— Уйдите, госпожа Рутшер, иначе я его убью!

— Убьешь беззащитного человека?

— Да! Он угроза для моей семьи!

Я не боялась, что девушка убьет чародея, — смелости не хватает и знаний, куда бить, чтобы наверняка. Чародеи ведь живучее кошек, их еще попробуй прикончить. Да и не явился Аламейский к предполагаемым преступникам без защиты. Если есть артефакт, определяющий ложь, значит, есть и другие. Если их, разумеется, с него не сняли, воспользовавшись беспамятством.

Ну а если чародей все-таки глуп и Хлоя его чуть порежет, я подлечу. И даже шрам потом уберу, хоть внешность Аламейского уже ничем не испортить.

— А как ты его будешь убивать, Хлоя? — коварно поинтересовалась я и, обмирая от ужаса, принялась вдохновенно размышлять: — Грудную клетку таким ножичком не пробить, по горлу ударишь — в фонтане крови искупаешься. Горячая кровь на полуобнаженное тело? Хм, не очень приятные ощущения,